

СЕЛЬКУПЫ ВЕРХНЕГО ТАЗА: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ И ПУТИ СООБЩЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ СОСЕДНИХ РЕЧНЫХ БАССЕЙНОВ В XVIII–XX вв.

В.Н. Адаев

Рассмотрен круг культурных связей и путей сообщения селькупов Верхнего Таза с населением соседних речных бассейнов Енисея, Ваха и Пура в XVIII–XX вв. Уточнено местонахождение Караконской волости, к которой относилось население Верхнего Таза до начала XX в., а также обоснована версия о локализации селения Караконское в окрестностях современного п. Кикки-Акки.

Северные селькупы, Верхний Таз, Караконская волость, пути сообщения, водораздельные территории, межэтнические взаимодействия.

Исторически северные селькупы являются потомками нарымских селькупов, мигрировавших в XVII–XVIII вв. в двух направлениях: 1) на Вах и оттуда в верховья р. Таз; 2) на Енисей и далее в бассейн р. Турухан (см. подробнее: [Мифология селькупов, 2004, с. 36; Пелих, 1981, с. 8–74]). Известно, что в формировании северных селькупов большое значение имели их вековые контакты с ваховскими хантами, енисейскими кетами и эвенками. Особенно тесными были эти связи в верховьях Таза. Тем не менее до настоящего времени вопрос установления конкретных маршрутов, по которым население переходило на смежные территории в бассейнах других рек, оставался вне внимания исследователей.

Верхнетазовские селькупы выделяются лингвистами в качестве носителей особого говора [Казакевич, Будянская, 2010, с. 3]. Ареал их расселения простирается в бассейне Верхнего Таза от р. Ратта до р. Толька. Данная локальная группа известна по русским документам XVIII–XIX вв. как караконские остяки (караконцы) или каралькупы — жители Караконской волости (позднее — инородческой управы). В задачи настоящей работы входит представление круга связей и путей сообщения населения Верхнего Таза с территориями соседних речных бассейнов. Кроме того, учитывая противоречивость информации о местонахождении Караконской волости в XVIII–XIX вв., предполагается систематизировать имеющиеся сведения по локализации данной волости и ее административного центра. Основными источниками исследования послужили опубликованные историко-этнографические данные, архивные документы, а также полевые материалы, собранные летом 2013 г. во время археолого-этнографической экспедиции ИГОС СО РАН под руководством О.Е. Пошехоновой.

Караконская волость

Административным центром Караконской волости являлось селение (станок¹) Караконская, по которому местное селькупское население и именовалось караконскими остяками. По сведениям, полученным русской администрацией со слов местных князцов в ходе ревизии 1762–1763 гг., общая численность караконских остяков оценивалась в 209 чел. (140 мужчин и 69 женщин), в 1782 г. тот же показатель составлял 256 чел. (135 и 121 соответственно). Брачные связи караконцев в основном заключались с жителями Тымской волости [ГУТО ГА в Тобольске, ф. И154, оп. 8, л. 273 об.–284 об.]. Тымская волость, как сообщает Г.Ф. Миллер, в первой половине XVIII в. располагалась в верховьях р. Вах на участке от р. Кулынигол до р. Комсесьёган. Немецкий ученый также отметил, что остяки Тымской волости и живущие по р. Таз говорят на одном языке [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 211].

По мнению известного исследователя истории и этнографии селькупов, Г.И. Пелих, Караконская (Караконская) волость в XVII в., в момент ее образования, находилась на Оби, в XIX в. — на территории Сургутского уезда, на р. Вах, и лишь позднее оказалась в бассейне Таза [1981, с. 30–

¹ Станком (т.е. мелким населенным пунктом, на жителях которого лежала обязанность перевозить почту) данное селение названо в списке населенных мест Енисейской губернии за 1893 г. [Волости..., 1895, с. 20]. В XVIII в. Караконская, скорее всего, представляла собой «ясачное зимовье» (см. пример: [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 114]) — сезонное инородческое поселение, в которое местные жители должны были прибывать к назначенному сроку для сдачи ясака.

Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения...

31]. Однако архивные материалы вносят существенные коррективы в высказанную томским исследователем гипотезу. Приведенные выше сведения ревизии 1782 г. предваряются записью, что переписное население относится к Тазовскому уезду Караконской волости, причем в преамбуле одного из двух списков непосредственно указано, что остяки проживают по рекам Тазу, Григорке и Часолке² [ГУТО ГА в Тобольске, ф. И154, оп. 8, л. 273 об., 279]. В документах Тобольской духовной консистории за 1792 г. сохранился отчет о поездке протопопа Н. Попова в Караконскую волость, где он встречался с волостным князем Ильяковым. В рассказе протопопа прямо указывается, что волость находится в «тазовской стороне», и упомянуты соответствующие местные реки, по которым проходил путь (Коралка, Таз, Рата³ и др.) [Там же, ф. И156, оп. 4, д. 1687, л. 1]. Таким образом, не остается сомнений, что в конце XVIII в. Караконская волость находилась уже именно в бассейне р. Таз.

На географических картах первой четверти XIX — начала XX в. населенный пункт Караконская (Караковская) также расположен не в бассейне р. Вах, а на правом берегу р. Таз, недалеко от впадения в нее р. Корулькы (что приблизительно соотносится с местонахождением нынешнего п. Кикки-Акки) (рис. 1). Хорошим комментарием к приведенным картографическим данным является ремарка, сделанная статистиком рубежа XIX–XX вв. С.К. Паткановым: «В переписном материале по Туруханскому краю мы встречаем в районе верхнего Таза два кочевья с подобными названиями: коч. Караль-кы и Поколыкы с населением 91 д. (48 м.), расположенные у одноименных речек. Первое из этих кочевий нанесено и на 40 верст[ной] карте Енисейской губернии (Военно-топографическ. отдела) под названием сел. Караковского при рч. Каральке» [1911, с. 127]. Обращает на себя внимание также некоторое сходство названий поселения Караконская (Караковская) и реки Корулькы. На это, в частности, указывал финский исследователь М.А. Кастрен, посетивший р. Таз в середине XIX в. Он сообщал, что караконские остяки относились к так называемой группе Лимбель-гум (орлиные люди). Исходя из их названия, караконские, он предполагал происхождение данной группы с р. Karalg, или Karol-ki, т.е. Журавлиной реки (современная р. Корулькы. — В. А.) [Кастрен, 1999, с. 178].

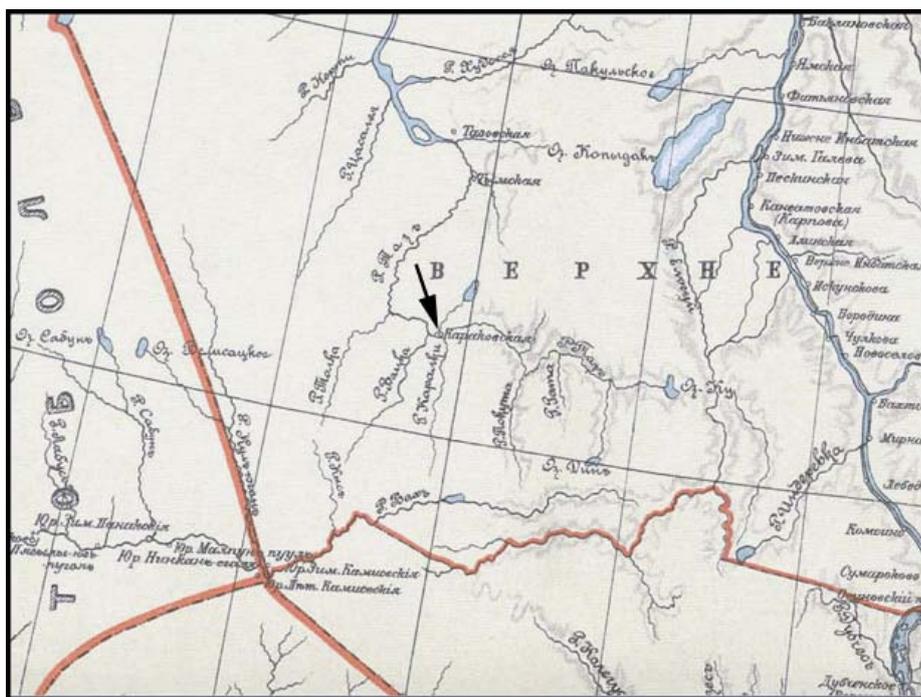

Рис. 1. Фрагмент карты Енисейской губернии 1914 г. с отмеченным на р. Таз селением Караковская (Караконская)

² Судя по косвенным данным, приведенным Г.Ф. Миллером в описании р. Григорка (см.: [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 211]), под этим названием скорее всего значилась р. Печалька. Часолка в современном наименовании — Часелька. Обе реки — крупные притоки Таза, впадающие в него ниже п. Толька.

³ В современном варианте названия перечисленных рек выглядят следующим образом: Корулькы, Таз, Ратта.

Итак, мы имеем явное указание на то, что селение Караконская в XIX в. находилось близ устья р. Корылькы, а следовательно, могло совпадать по расположению с современным п. Кикки-Акки. Данный поселок находится на правом берегу Таза немногим выше устья р. Корылькы. Расстояние до ближайших населенных пунктов: до п. Толька — около 75 км вниз по р. Таз, до п. Ратта — около 150 км вверх по течению. Кикки-Акки появился в первой половине 1930-х гг. на месте родовых угодьев селькупов Каргачевых. В 1931 г. этого поселка еще не существовало. Исследователь В.Н. Скалон привел в 1931 г. описание действовавшего маршрута на участке Верхнего Таза от устья р. Мотылькы до устья р. Вэттылькы с перечислением приметных мест в качестве ориентиров. Последним из них перед р. Вэттылькы он назвал урочище Кичей акка на правом берегу р. Таз [Скалон, 1931, с. 74]. Можно предполагать, что под этим названием значилось сезонное поселение местных селькупов на месте будущего поселка Кикки-Акки. В материалах переписи населения 1936 г. на территории Верхне-Тазовского туземного совета уже отмечен населенный пункт Кикки-Акки с населением 101 чел. [«Судьба Ямала...»]. В настоящее время Кикки-Акки — небольшой населенный пункт, где осталось менее 10 жилых домов. По данным Толькинской сельской администрации, население п. Кикки-Акки на 2010 г. составляло 54 чел. [Паспорт населенных пунктов, 2010, л. 2]. Все жители — селькупы. На постоянной основе в поселке живет всего несколько семей, остальные в основном приезжают на летне-осенний сезон.

Среди местных жителей не удалось зафиксировать воспоминаний о былом населенном пункте Караконская, они лишь смогли сообщить, что на месте п. Кикки-Акки ранее находилось летнее селькупское стойбище. Тем не менее можно высказать еще некоторые соображения по поводу вероятности локализации селения Караконская именно на этом участке, где, что немало важно, по результатам экспедиции ИПОС СО РАН 2013 г. обнаружено значительное средоточие археологических объектов позднего средневековья. Первое основание — это удобное расположение близ устья Корылькы, реки, являвшейся путем сообщения с бассейном р. Вах, через который в прошлом проходил маршрут, связывающий территорию с уездным центром в Сургуте. Второе — наличие подходящих ландшафтных условий (высокая, незатопляемая в половодье терраса, примыкающая к месту рыбная старица с протокой) и вероятная близость богатых рыболовных угодий. Последнее можно предполагать, так как в настоящее время непосредственно напротив п. Кикки-Акки находится один из лучших по уровню улова неводных песков, кроме того, сама р. Корылькы считается наиболее богатой рыбой среди соседних притоков Таза.

По всей видимости, именно селение Караконская описывал Г.Ф. Миллер около 1740 г., когда сообщал об остяцком поселке близ устья р. Корылькы, где русские казаки занимаются приемом ясака. Исследователь привел и другие важные для нас сведения: 1) к указанному остяцкому поселку выходит дорога вдоль р. Корылькы, которой следуют с Ваха сборщики ясака; 2) поселок стоит в 5 верстах ниже устья Корылькы, на правом берегу Таза, у курьи⁴, называемой по-остяцки Киге; 3) в одном дне пути от р. Киге находится р. Вачка (Вэттылькы. — В. А.), впадающая в Таз с левой стороны [Сибирь XVIII в. ..., 1906, с. 211]. Современный поселок Кикки-Акки расположен примерно в 8 км выше впадения р. Корылькы в Таз и на первый взгляд по своему географическому положению не соответствует приведенным условиям, тем более что на отрезке между рр. Корылькы и Вэттылькы в Таз с правой стороны впадает еще одна небольшая река — Топырмачилькике.

Тем не менее есть веские доводы, которые поддерживают состоятельность версии о локализации исчезнувшего селения в окрестностях п. Кикки-Акки. Во-первых, это явное многократное изменение места впадения р. Корылькы в Таз за минувшие столетия, о чем свидетельствует большое количество стариц и протоков, примыкающих к устью этой реки. Некоторые из них находятся в нескольких километрах выше п. Кикки-Акки. Во-вторых, приведенное Г.Ф. Миллером расстояние от речки, на которой находился остяцкий поселок, до р. Вэттылькы довольно значительно — его преодоление занимало один день. Основываясь на несложных расчетах, можно заключить, что в среднем день пути на маршруте вдоль русла Таза у Г.Ф. Миллера составляет 15–20 км. Даже с учетом возможного смещения устья Вэттылькы с течением времени, этим показателям лучше всего соответствует п. Кикки-Акки, который находится примерно в 20 км от впадения указанного притока (для р. Топырмачилькике то же расстояние составляет всего 6 км). И наконец, в-третьих, в пользу п. Кикки-Акки говорят приведенные немецким исследователем название и описание реки, у которой располагалось старое поселение. В варианте

⁴ Курья — старица.

«Киге» почти без сомнения было записано селькупское слово «кика», имеющее значение «ручей». Оно присутствует в составе многих мелких селькупских гидронимов, в том числе в вариантах Топырмачилькике и Киккэоккэ (небольшая река, на которой стоит поселок Кикки-Акки). Но у последней, что немаловажно, слово «кика» вынесено в начало, а следовательно, имело больше шансов закрепиться в качестве укороченного имени водоема. Кроме того, полное название водного объекта, Киккэоккэ переводится как «ручей старицы», что является почти калькой со сделанного Г.Ф. Миллером описания: остяцкий поселок находится на курье (старице), называемой по-остяцки Kige (ручей).

Приведем еще некоторые статистические данные по караконским осяткам за период XIX — первой четверти XX в. Статистики, как правило, фиксировали суммарную численность жителей двух волостей — Караконской и Тымской, причем варианты написания волостных названий были довольно разнообразны. Так, по данным 1859 г., тымно-карасинские осятки, кочующие по Тазу, Каральке и Худосею, насчитывали мужского полу — 261 чел., женского — 194 (общее количество — 455) [Список населенных мест..., 1864, с. 60]. На основании материалов переписи 1897 г. С.К. Патканов пишет, что у Тымско-Караконского остяцкого рода число хозяйств составляет 92+1, количество мужчин — 279, женщин — 240 (общее количество — 519) [1911, с. 290]. В 1925 г. Тымско-Караконский род, занимавший систему верховий р. Таз, насчитывал 804 души обоих полов при 142 хозяйствах [Доброва-Ядринцева, 1925, с. 10; Тугаринов, 1927, с. 5]. Таким образом, статистические данные говорят о существенном росте численности тымско-караконских селькупов на протяжении известной по письменным источникам истории. Если оставить в стороне материалы XVIII в., о степени полноты и достоверности которых судить трудно (учитывая, что они составлены со слов самих плательщиков ясака), то численность населения волостей за период с 1859 по 1925 г. возросла почти в два раза. Это высокие показатели для коренных народов Севера Западной Сибири того времени. Привести ключевые причины данного роста численности (изменение волостных границ, повышение качества учета, естественная прирост населения или миграции) без углубленного изучения вопроса пока не представляется возможным.

Общую картину хозяйственных занятий караконских осятков и направлений их ежегодных кочевий наглядно представляют сведения, собранные в 1920-е гг. этнографом Л.Н. Добровой-Ядринцевой. С началом весны тымско-караконские осятки спускались на мелкие озера и речки, где по высокой воде промышляли для собственного потребления рыбу, используя пушальни (ставные сети), котцы и запоры. В это же время велась массовая добыча перелетной птицы. В июне жители переходили на более крупные реки (Таз, Худосей, Елогуй), отдельные семьи спускались на пески в низовья Таза, где занимались неводьбой рыбы в целях сбыта промышленным предприятиям. Олени в течение лета выпасались на ближайших крупных болотных угодьях («тундрах»). После спада воды, в сентябре, осятки возвращались на места весеннего промысла, где заготавливали для себя рыбные запасы на зиму. С ноября начинался промысел белки по близлежащим борам. В феврале промысловики отправлялись в «большую дорогу» за сотни километров от весенне-осенних стойбищ, чтобы добывать по хвойным лесам левобережья Таза белку и дикого оленя. Что немаловажно, исследователь особо отмечает устойчивый характер мест кочевий и промысла у караконских осятков: *«не только место кочевания (речка, яр, озеро), но и место промысла — бор, тундра, указываются вполне определенно, т.к. у них из года в год имеется “свое место”. Указывая место кочевания, осятак Тымско-Караконской управы определяет два пункта — речку, озеро, где он веснует и летует и даже зимует, и район промысла, куда он уходит за белкой или за диким оленем. Т.о., в общем, если не считать периода промысла, связанного с передвижением, осятак мало подвижен»* [Доброва-Ядринцева, 1925, с. 74]. В целом можно предполагать, что данный хозяйственный комплекс (с присущей ему системой кочевий) в общих чертах соответствовал существовавшему на этой же территории в XVII–XVIII в., когда пушной промысел уже приобрел у тазовских селькупов выраженное товарное значение.

Культурные связи верхнетазовских селькупов

Верхнетазовские селькупы на протяжении нескольких веков поддерживали брачные и культурные контакты с ваховскими хантами, енисейскими кетами и эвенками. Кроме того, на начальном этапе освоения бассейна р. Таз, после напряженной борьбы за новые территории, селькупы частично ассимилировали и включили в свой состав местное самодийское население из бассейна Среднего и Верхнего Таза — лесных энцев (см. подробнее: [Мифология селькупов, 2004, с. 36]).

Северные селькупы называют древних насельников своей земли ненцами (*кхалак*), не делая различия между энцами и ненцами. По воспоминаниям верхнетазовских селькупов, в легендарной войне с *кхалак* им помогли эвенки (*помпа*) из верховьев Таза и красноярские селькупы: «Селькупы начали воевать с ненцами, ненцы хотели отобрать эту землю — чернолесье⁵ наше, и эвенки заступились, помогать нам начали» [ПМА, 2013]. На расстоянии около 30 км ниже по течению от п. Кикки-Акки, на левом берегу р. Таз, находится урочище Кхале-мачи (Ненецкий бор). По преданию, именно на этом месте селькупы в союзе с эвенками одержали окончательных верх над ненцами и изгнали их с Верхнего Таза.

Победе предшествовал долгий период военных столкновений. В семье Мороковых из п. Кикки-Акки был записан на русском языке вариант легенды об известном селькупском герое Немаль-Поркы-иры (Старик-Заячья-Парка), который хитростью победил боевой отряд ненцев. Враги были приглашены к старику-селькупу в землянку, а после закрыты в ней и сожжены [ПМА, 2013]. По всей вероятности, фольклорный сюжет отражает воспоминания селькупов о раннем периоде истории их проживания на Верхнем Тазу, когда группы кочевых ненцев (энцев) совершали военные набеги на зимние стоянки селькупов, пользуясь тем, что основная часть мужского населения уходила на охотничий промысел и в селениях оставались в основном старики, женщины и дети.

Современные селькупы рассказывают о торгово-обменных отношениях с ненцами в середине XX в. — на пушнину и рыбу они выменивали у последних оленей и оленегонных лаек. Для обмена верхнетазовские селькупы выезжали на оленьих упряжках в Вэнгапур, Тарко-Сале и Харампур, причем маршрут пролегал обычно через р. Толька и Чертовы озера. Поездка занимала несколько месяцев, договаривались о ней заранее, сообщая о своих намерениях через третьих лиц (отправляли «словесное письмо»). Интересно, что верхнетазовские селькупы очень ценят рабочие качества ненецких оленегонных лаек (*кхали-канак* — ненецкая собака) и раньше с успехом использовали этих небольших собак даже для охотничьего промысла. В то же время ненецкие олени считались плохо приспособленными для местных условий выпаса. Все информаторы склоняются к тому, что данные обменные отношения с ненцами начались лишь в советский период, «с появлением колхозов». Добавим, что уже в 1930-е гг. биолог В.Н. Скалон отмечал проникновение породы ненецкого оленя в пределы Верхнего Таза, по причине его приобретения как самими селькупками, так и оленеводческими организациями [1931, с. 76, 77]. Как бы ни было, можно предполагать, что представленный выше маршрут с Верхнего Таза на территорию проживания лесных ненцев в бассейне р. Пур имеет давнее происхождение.

Давние устойчивые связи существовали у верхнетазовских селькупов и с Туруханским краем (бассейн р. Енисей), территорией проживания кетов и эвенков. Еще в XVII в. Сургутская уездная администрация периодически отмечала уход своих караконских плательщиков ясака на Енисей (см. подробнее: [Пузанов, 2004, с. 55–61]). В этой связи интересно, что в Туруханском крае остяков Тымско-Караконской управы даже в XX в. нередко называли сургутами [Доброва-Ядринцева, 1925, с. 9]. Интенсивные контакты населения верховьев Таза с территорией Енисея и перемещение жителей двух бассейнов продолжались в первой половине XX в. Так, этнограф Л.Н. Доброва-Ядринцева писала, что в 1920-е гг. в состав остяко-самоедов Тымско-Караконской управы была включена группа енисейцев из 18 семей, носящих родовое имя Ириковых [1925, с. 10]. Охотовед Ф.Р. Штильмарк в 1960-е гг. отмечал существование в недавнем прошлом группы селькупских и кетских оленеводов, кочевавших на пространстве низинной тайги между Енисеем и Тазом и позднее осевших на р. Пакулиха ближе к Енисею [2003, с. 203–204].

Далее приведем зафиксированные маршруты, связывавшие Верхний Таз с Туруханским краем, в порядке их следования с севера на юг. У современных селькупов сохранились воспоминания о дороге на Енисей, проходившей через р. Ширта (правый приток Таза), конечным пунктом на Енисее был п. Верещагино, где имелся магазин и можно было недорого приобрести продукты. Дорога эта активно использовалась в 1950-е гг. К этому же периоду времени относятся сведения о последнем известном случае приезда кетов на Таз, чтобы сватать селькупскую девушку — невеста была найдена в п. Ратта и увезена в Красноярский край.

Близким к вышеприведенному был маршрут, связывавший поселки Ратта (на Тазу) и Сургуту (на Енисее). На середине пути находилось оз. Налимье, из которого берет исток р. Пакулиха. На этом рыбном озере, по рассказам современных жителей Верхнего Таза, стояла факто-

⁵ Популярный местный термин для обозначения ландшафта. Селькупы понимают под ним смешанный лес в низинах, отличный от сухих боровых участков.

рия, и там с давних времен встречались селькупы и кеты: «Там есть Налимье озеро в верховьях, потуда ездили. За невестами туда ездили. У меня же бабка оттуда, дед оттуда ее привез. Они тоже сюда ездили. С ними, да, дружили. И дорога же была через Ратту — там муку возили в сторону Красноярска туда, на Енисей. Пушкину туда сдавать ездили. На Налимье озеро туда ездили, там фактория была» [ПМА, 2013].

По сведениям В.Н. Скалона 1930-х гг., существовал еще один популярный маршрут на Енисей. Он проходил от устья р. Мотыльки (правый приток Таза, примерно в 150 км выше п. Кикки-Акки) к р. Артюгина (приток Енисея) и далее к ст. Алинская на Енисее. Зимняя дорога для оленьих упряжек на участке русла между реками Мотыльки и Вэттыльки была очень хорошо наезженной и имела многочисленные ответвления к притокам. Исследователь отмечал, что точно такая же хорошая дорога имелась ниже по Тазу на отрезке от р. Толька до с. Церковенского (современный п. Красноселькуп). Однако участок между этими двумя дорогами оставался мало используемым: «Пути эти в конечном пункте сходятся очень близко, но не соединяются, так как отсутствие деловых сообщений между жителями соседних родовых советов не вызывает необходимости в частых проездах. Проезжая по этому промежутку, приходится обычно “топтать дорогу”, не видя даже следа санок» [Скалон, 1931, с. 74].

Похоже, что тем же маршрутом с Енисея в бассейн Верхнего Таза через устье р. Мотыльки предполагалось передвижение переписчика Приполярной переписи 1926–1927 гг. Во всяком случае, приводимые в инструкции для переписчика ориентиры данному маршруту соответствуют: от селения Верхне-Имбатское на Енисее, минуя р. Елогуй, через факторию⁶, «что находится по неизвестной речке, на середине пути между Елогуем и Тазом, в том месте, где перекрещиваются кочевые тропы нескольких туземных орд» [ГАКК, ф. Р769, оп. 1, д. 303, л. 36–39]. Известно, что в первой половине XX в. окрестности селения Верхне-Имбатского посещались тазовскими селькупками и в летнее время. По сообщению Л.Н. Добровой-Ядринцевой, в течение июня происходил массовый выход остяко-самоедов Тымско-Караконской управы на остяцкую ярмарку, которая устраивалась на Поповой речке в 8 верстах от села Верхне-Имбацкого [1925, с. 79].

Еще один путь, связывавший Верхний Таз с Енисеем, зафиксировал Г.Ф. Миллер в путешествии 1739 г. Он указал, что енисейские остяки поднимались на лодках по р. Елогуй и ее притоку Кыкса, далее выходили к оз. Тында, от которого было недалеко до верховьев р. Таз [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 115]. Спустя 220 лет известный отечественный этнограф Р.Ф. Итс во время полевых исследований на территории Красноярского края в 1958–1961 гг. вновь записал информацию об этом маршруте, но уже в его зимнем варианте. Он отметил, что верхнетазовские селькупы из п. Ратта и кеты из п. Келлог, расположенного по р. Елогуй, ежегодно встречаются зимой на своеобразный сбор у оз. Тында, лежащего на полпути от одних к другим, причем встречи эти носили регулярный характер на протяжении около века. Во время встреч между представителями двух народов заключались браки, происходил обмен оленями и собаками [Итс, 1986, с. 160–172].

Хороший путь на Енисей для оленьих упряжек представляло и междуречье рек Таз и Вах. Выезжали к нему по левым притокам Верхнего Таза — рр. Корыльки, Покальки, Вэттыльки, Ратта. Показательно, что название одной из этих рек, Покальки, переводится с селькупского как «переходная река». Учитывая, что в зимнее время значительная часть населения проживала в верховьях южных притоков Таза, дорога по ваховско-тазовскому водоразделу становилась для них кратчайшим путем в сторону Енисея. По словам современных жителей, поездки данными маршрутами не были редкостью в 1970-е гг., целью выездов являлось посещение поселковых магазинов на Енисее, встреча с родственниками и знакомыми, сватовство невест у кетов: «Некоторые раньше на оленях на Енисей ездили, невест своих брали. Вот один старик зимой вечно ездил. В верховьях Коральки дорогу до сих пор видно» [ПМА, 2013]. Одним из кетских родов на Енисее, с которым верхнетазовские селькупы часто вступали в брачные связи, был род Дибиковых.

Закономерным итогом столь интенсивных контактов северных селькупов и кетов явилось значительное сходство их духовной и материальной культуры. Как пишет известный исследователь самодийских народов Л.В. Хомич, данное сходство объясняется не только общностью современной среды обитания, но и формированием этих черт культуры на общей территории [Хомич и др., 2002, с. 20]. Несмотря на воспоминания о былом военном союзе с эвенками, куль-

⁶ Предположительно имеется в виду артель Артюгино, располагавшаяся на упомянутой выше одноименной реке.

турные заимствования от них у верхнетазовских селькупов оказались не столь значительны. Вероятным препятствием были выраженные отличия традиционного хозяйственного комплекса и кочевого ритма эвенков от селькупского. Даже проживая на сопредельной с селькупами территории, эвенки тяготели к другим природным комплексам, более труднодоступным и удаленным от административных центров,— верховьям притоков Таза и водораздельным болотам. Брачные контакты верхнетазовских селькупов с эвенками, тем не менее, не были редкостью (особенно с родом Баякиных), современные потомки от этих браков в большинстве своем относят себя к селькупам. Яркой иллюстрацией близости всех трех указанных народов является миф о возникновении созвездия Большой Медведицы, версии которого записаны у кетов и селькупов. Согласно нему, три звезды, составляющие ручку ковша,— это охотники селькуп, кет и эвенк, вместе преследующие лося [Алексеенко, 1976, с. 85; Мифология селькупов, 2004, с. 172–173].

Из хантов (*лангаль-кумыт*) верхнетазовские селькупы поддерживали отношения главным образом с жителями бассейна р. Вах. Очевидно, что данное направление связей для селькупского населения Верхнего Таза имело самую давнюю историю, начавшуюся с этапа миграции селькупов на север и установления широких брачных контактов с жителями Тымской волости. По полевым материалам известно, что в 1960–1970-е гг. ваховские ханты приезжали в гости к селькупским оленеводам, кочевавшим в бассейне р. Корыльки. Не были редкостью и поездки самих верхнетазовских селькупов на Вах за невестами, однако никаких сведений о конкретных хантыйских фамилиях, с которыми поддерживались брачные связи, местные жители привести не смогли. Наиболее известный в районе п. Кикки-Акки маршрут на р. Вах пролегал по р. Корыльки через верховья р. Сабун к п. Корлики (это было самое ближнее селение на Вахе). По рассказам, до него с верховьев Корыльки доезжали на оленях всего за полдня. Обращает на себя внимание явное сходство наименований р. Корыльки и хантыйского селения Корлики (в селькупском варианте — Корый-кы). Подобные совпадения названий в бассейнах разных рек нередко являются свидетельством существовавших устойчивых маршрутов, волоков, которые соединяли две территории (см. об этом: [Адаев, 2012, с. 118]). Кроме поселка Корлики, современным верхнетазовским селькупам хорошо известен на Вахе и Ларьяк, который также посещался их предками.

К р. Вах селькупы выходили на оленьих упряжках и по течению других левых притоков Таза — по рр. Вэттылькы, Покалькы и Ратта [Хомич и др., 2002, с. 51]. Тем не менее именно маршрут через р. Корыльки использовался в XVIII в. русской уездной администрацией в Сургуте для поездок по сбору ясака у остяков Караконской волости, этой же дорогой выезжали на р. Таз священники уездной консистории. Путь из Ларьяцкой волости до юрт Корыльских, по разным источникам XVIII в., занимал от 8 до 20 дней [ГУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 4, д. 1687, л. 1; ф. И156, оп. 1, д. 1413, л. 8; Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 210–211]. Наиболее обстоятельно дорога вдоль р. Корыльки, которой выходили к Тазу русские сборщики ясака, описана у Г.Ф. Миллера. Путь начинался с продвижения вдоль русла северного притока Ваха, р. Колынигол, далее сворачивал на впадающую с севера р. Локонтоёган, по ней и через некую р. Ilkasar через 1,5 дня добирались до Манина озера. От озера за 2,5 дня выходили вновь к руслу р. Колынигол и шли далее на север, оставляя исток реки справа. За 10–12 дней преодолевали водораздел между Вахом и Тазом и выходили к р. Корыльки примерно в середине ее течения. Оставив ее извилистое русло по правую руку, продвигались на север и через 5 дней достигали р. Таз. Место выхода, как указывалось выше, находилось в 5 верстах ниже р. Корыльки [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 210–211].

Зимой 1913 г., когда в верховьях р. Таз побывал финский этнограф К. Доннер, контакты жителей Таза и Ваза были достаточно ограниченными. На спорных территориях междуречья промысловики двух рек подчас встречали друг друга стрельбой. К. Доннер с некоторым трудом разыскал проводника, который некогда ездил на юг к хантам. Сам путь занял продолжительное время (почти месяц), так как с дороги постоянно сбивались. Маршрут, по которому провели исследователя, шел с р. Покылькы на р. Колынигол и по ней — к п. Ларьяк [Доннер, 2008, с. 100–106].

Общая картина выявленных маршрутов представлена на рис. 2. Многие из путей сообщения обозначены довольно схематично, в силу ограниченности установленных ориентиров. Нужно отметить, что большинство дорог через водораздельные территории использовалось верхнетазовскими селькупам в зимнее время, и перемещение по ним осуществлялось, как правило, на оленьих упряжках. Летние переходы тоже были возможны, но совершались значительно реже. В этих случаях основную часть пути обычно преодолевали на лодках-долбленках, пере-

материалы, так как селькупы Верхнего Таза в последние десятилетия почти прекратили практику переходов в соседние речные бассейны. Часть маршрутов перестала использоваться 50 и более лет назад.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГАКК. Ф. Р769. Оп. 1. Д. 303.

ГУТО ГА в Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 44; Ф. И156. Оп. 1. Д. 1413; Ф. И156. Оп. 4. Д. 1687.

Паспорт населенных пунктов муниципальных образований муниципального образования Красноселькупский район за 2010 г. в Ямало-Ненецком автономном округе. 2010. 85 л.

Полевые материалы автора. Красноселькупский район, 2013 г.

Литература

Адаев В.Н. Болотные маршруты: Пути и способы сообщения народов Нижнего Прииртышья через водораздельные территории в XVIII–XX вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 110–119.

Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 67–105.

Волости и населенные места 1893 года. Вып. 11: Енисейская губерния. СПб., 1895. 40 с.

Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края: Опыт исследования экономического положения / Под ред. В. Лаврова. Новоиколаевск: Изд. Сибревкома, 1925. 82 с.

Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 276 с.

Итс Р.Ф. Века и поколения: Этнографические этюды. Л.: Лениздат, 1986. 236 с.

Казакевич О.А., Будянская Е.М. Предисловие // Диалектологический словарь селькупского языка: (Северное наречие) / Под ред. О.А. Казакевич. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 3–4.

Кастрен М.А. Соч. в двух томах. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849 гг.). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.

Мифология селькупов / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич и др.; Науч. ред. В.В. Напольских. Томск: ИТУ, 2004. 382 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. II (Тобольская, Томская и Енисейская губернии). СПб., 1911. 432 с.

Пелих Г.И. Селькупы XVII в.: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука, 1981. 176 с.

Пузанов В.Д. Военно-административные проблемы развития Сургутского уезда в XVII–XVIII веках // Северный регион: Наука, образование, культура. 2004. № 1. С. 55–61.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 310 с. (История Сибири: Первоисточники; Вып. VI).

Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне реки Таза (Туруханский край) // Сов. Север. 1931. № 3–4. С. 70–87.

Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. LI: Енисейская губерния. СПб., 1864. XLIII с., 74 с.

«Судьба Ямала в судьбах красноселькупцев», посвящается 80-летию юбилею Ямало-Ненецкого автономного округа [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://selkup.info/?path=/state/state_41/.

Тугаринов А.Я. Туземцы Приенисейского Севера // Библиотека Приенисейского краеведа. Красноярск, 1927. № 16. С. 1–14.

Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Фиалиал изд-ва «Просвещение», 2002. 150 с.

Штильмарк Ф.Р. Из прошлого: (Охотэкспедиция по Туруханскому району в 1963 г.) // Охотничьи просторы. 2003. № 3. С. 199–210.

Тюмень, ИПОС СО РАН
whitebird4@yandex.ru

The article considers a range of cultural contacts and routes of communication between Selkups of the Upper Taz and population of the neighboring river basins of Yenisei, Vakh and Pur in XVIII–XX cc. Subject to clarification being the location of the Karakon Volost' to which the population of the Upper Taz belonged up to early XX c., also grounding a version of localizing Karakon settlement in the vicinity of modern settlement of Kikki-Akki.

Northern Selkups, Upper Taz, Karakon Volost', communication routes, watershed territories, inter-ethnic relations.